

Судьба всегда одна

Уже глубокой ночью вертолет подлетел к Нефтегорску. Все прильнули к иллюминаторам — внизу, освещенные пламенем костров, дымилась развалины.

Это страшное зрелище казалось чем-то нереальным — галлюцинацией, ночным кошмаром, но только не действительностью. Вертолет сделал круг над поселком и приземлился. И в первые же минуты, когда члены отряда покинули вертолет, этот кошмар стал частью их работы и жизни.

День вчерашний отодвинулся в далекое прошлое. И уже нереальным казался субботний день 28 мая, когда начальник Сахалинского поисково-спасательного отряда МЧС России Евгений Кропалев мирно работал на своем участке. Был разгар дачных работ. Надо было побыстрее их выполнить, потому что губернатор Игорь Фархутдинов хотел провести на севере острова учения. И когда приехал посылный с известием о землетрясении, Евгений Маркович улыбнулся: да это учения внезапно начались, любит Игорь Павлович проверять готовность... Но посылный был серьезен, сказал, что уже вылетает в Нефтегорск первая группа во главе с Поляковым (имя которого носит сейчас отряд) и там действительно беда. Было около часу дня — информация о землетрясении поступила с опозданием. Кропалев немедленно собрал основной состав, и в самое вечеро они улетели на вертолете до Зонального, где пересели на вертолет, взявший курс на Нефтегорск. И вот эти ночные костры, жуткие развалины, крики о помощи.

Евгений Маркович рассказывает об этом медленно, с паузами, и голос его напря-

жен, как у всех, кто говорит о пережитом во время нефтегорской трагедии.

Не было времени на нервы. Отряд сразу же встал на расчетку дома № 17, вернее, не дома, а того слоеного пирога, который остался от здания — арматура, бетон, ковры, одеяла, сломанная мебель образовали нечто вроде плотно утрамбованной грядки, и трудно было представить, что в ней есть пустоты, в которых находятся живые люди.

— Первые трое суток работали как автоматы, без прерыва, — рассказывает Евгений Маркович. — Никакого анализа обстановки, совещаний, прикриков... Просто разгребали и разгребали завалы, доставая из них людей. За первые трое суток обнаружена и спасена большая часть пострадавших. Все понимали, что именно это сейчас главное, что не надо дергать спасателей, которые профессионально выполняют свою работу и знают, что самое необходимое в данный момент. Прерывались только на короткий прием пищи. Потому что дорог был каждый час — земля постоянно вздрагивала от новых толчков, и те, кто только что звал на помощь, замолкали.

Только на третьи сутки, когда люди были уже на грани возможного, а в поселок прибыли новые отряды и техника, появилась возможность организовать посменную работу, давая спасателям часы для отдыха (хотя какой тут отдых!). Смена длилась 16–18 часов.

Е. Кропалев очень будничным голосом сказал, что ходили слухи о двух горевших домах. Посмотрев на его лицо, я

отвела глаза, потому что, наверное, такой же взгляд был у него там, рядом с горевшими развалинами. «Вот, говорят, будто бы люди там горели...» — после долгой паузы продолжил Евгений Маркович.

— Почему слухи?.. Люди действительно горели в огне, я ведь была в Нефтегорске.

Он коротко и порывисто выдохнул: — Мы работали рядом со сгоревшим зданием, и запах плоти...

Господи, даже сейчас, через десять лет, человек не хочет помнить, принимая ту невозможную, нереальную действительность! Если весь Нефтегорск стал адом во время землетрясения, то эти два сгоревших дома были тяжелейшими из его кругов. И работать, спасая живых, рядом с дымящейся общей могиллой жителей пятиэтажного дома, при этой жаре и запахе, видя то, что оставалось, и стараясь не видеть, потому что сорванные нервы — это что-то, кого ты не сможешь спасти... Не случайно все, что вынес нефтегорскую трагедию, говорит о запрёдном. За пределами возможностей физическое напряжение, за пределами — картины сотен и сотен тел в целлофане и гробах, за пределами разума само событие — за секунды ушли из жизни более двух тысяч человек.

— Десять лет прошло, а эти картины у меня все живы, — Евгений Кропалев опять замолчал. — Подняли плиту — там вся семья. Мужчина такой крупный, тяжелый, жена рядом. А в соседней комнате два ребенка, одному месяцев девять, другой на год постарше. У

обоих — ни одной царапинки. Наверное, от испуга умерли. Это не сразу даже понимаешь, не бывает такого... Почему дети? Они же не должны гибнуть... Они же еще ничего не видели и нагрешить не успели. Может, это за наши грехи, ведь ничего в мире просто так не происходит, любое событие — это следствие чего-то.

Я слушаю этот монолог, боясь шевельнуться. Эти мысли стали приходить Кропалеву уже потом, после спасательных работ, и приходит до сих пор. Тогда же только одно было в душе — за что, за что?

И в этом ужасе был какой-то быт, ведь надо есть, пить, спать, рядом жили пострадавшие нефтегорцы, которые ждали до последнего извлекенного из руин тела, и... бежали дети. Маленький мальчик, лет пяти-шести, жил рядом со спасателями, его кормили, укрывали. А он все спрашивал: «Где мама?» Никто не мог сказать мальшю, что маму он не увидит никогда.

Самое страшное слово — никогда. Человек всей душой противится ему, кричит: «Нет, этого не может, не должно быть!» А спасатели готовы были на все, чтобы хоть еще кто-то мог сказать слова «Будет, завтра, потом». Под завалами обнаружили девушку лет шестнадцати. Шел третий день, когда каждый час, каклая минута уносили жизни заживо погребенных людей. Над девушкой гора бетона и арматуры, зловеще оседавшая при каждом новом толчке. Уже сколько раз смолкала глоса, на которые шли спасатели. Осела плита — и все. Сколько времени уйдет, чтобы разобрать эту гору? И тогда решили снизу проделать нечто вроде туннеля. Получилось. Только вот как извлечь девушку? И тогда Валентин Желонкин поплыл в этот туннель. Он не считал это героическим поступком, потому что не думал ни о подземных толчках и оседавших плитах в несколько тонн,

которые могли его раздвинуть, ни о том, как в этом узком лазе будет разгребать обломки. Он не думал о том, как на его глаза падали эти плиты, из-под которых потом доставали уже не тела, а то, что осталось... Он просто поплыл на голос, моливший о помощи, в эту темноту и неизвестность.

Девочка какое-то время жила в палатке спасателей, родители ее погибли. Потом нашелся дальний родственник, и она уехала, первое время приезжала к своим спасателям, звонила, а потом закрутила ее жизнь, навалились дела. И это замечательно, ведь она может думать о том, что будет завтра, всегда, и у нее долгая жизнь впереди.

Спас девочку Валентин и случай. Она с подружкой, чья квартира была на той же лестничной клетке, вернулась с дискотеки. Только встала ключ в замочную скважину, как дом куда-то поплыл. Девушка стояла в дверном проходе, потому и осталась жива. Жива была и подруга, и они первые сутки переговаривались. Потом голос подружки, у которой было доброе сердце, стал тише... и совсем смолк.

О Валентине его коллеги говорят: «Он у нас очень добрый». Я это сама поняла, когда увидела, как он разговаривал со знакомым мальшом. Правда, очень редко у людей бывают такие лица, когда они разговаривают с детьми. Улыбаются, ласковы почти все. А тут такая, я бы сказала, бережность во взгляде, словах, интонации. Слово не маленький мальчик, а нечто очень хрупкое и очень ценное стоит и разворачивает шоколадку.

Сахалинский поисково-спасательный отряд нашел и спас 14 живых и достал более 50 погибших. И хотя к времени трагедии он имел стаж всего ничего, только был создан, действовал не хуже опытных профессионалов.

Сейчас только трое в нем остались из тех, кто спасал неф-

тегорцев. Многие изменились. Но, пожалуй, одно осталось — отношение к человеческой жизни, к человеческой личности. Когда твоя судьба, твоя профессия — спасатель, когда постоянно видишь, как хрупок человек при всей его силе и возможностях, то понимаешь — каждый из живущих уникален, нет и не будет ему замены.

Быть может, спасатели, как никто, не знают даже, а чувствуют всем существом, что такое жизнь. В Нефтегорске, когда спасательные работы подходили к концу, все меньше шансов оставалось найти живых. Но надежда на счастливых случай оставалась. Усталые, измотанные, уже на грани истощения всех сил, они, услышав слабый стук или шорох из развалин, бросались к этому месту, и с удвоенной, утроенной, удесятеренной энергией начинали разбирать завал. И порой на свет божий выпрыгивали шпильки или котенок, шенок. И не было ни досады, ни злости, ни раздражения в тот момент, только бесконечно грустная улыбка появлялась на лицах: душа живая спаслась.

Не верьте рассказам о том, что «хлопнет мужик стакан спирта и идет спасать». Какой спирт! При таком напряжении, такой смертельной усталости от спирта не то что работать, ползать бы не смогли. Из 24 полученных отрядом бутылок спиртного 22 он привез в Южно-Сахалинск. Спасало не «расслабляющее средство», а сила духа, настрой на то, чтобы спасти как можно больше людей. И конечно, хорошее здоровье и физическая подготовка.

Десять лет прошло. За это время было много сложных ситуаций, когда и мерзли в снегу, и голодали, и прочесывали местность по сантиметру в поисках людей, живых или мертвых. Но Нефтегорск остался в сердце. Как судьба, которая может быть только одна. Человек выбирает лишь путь. Судьба приходит на этом пути.

Диана ЮРИНА.

11.06.2015 г. В.А.ЮРИНА - 2015. - 28.06.2015. - 6.2.